

Ракитский Борис. Они истребляют надежду народа, его заступников

Все никак не восстанавливается душевное равновесие, все никак не ставится на полочку «Прошлое» убийство Станислава Маркелова. Из всех, кого я знал в жизни, этот молодой человек был одним из самых благородных, самых подающих и оправдывающих лучшие надежды. Такими начинал возрождаться наш народ после череды геноцидов XX века.

О Стасе Маркелове я впервые услышал от своей жены. Она упорно старалась в начале 1990-х годов призвать к приличной политической ориентированности и политической порядочности свою социалдемократическую партию (она была лидером левой фракции этой партии). В какой-то момент в ее рассказах появился проблеск светлой надежды – студент-юрист: «Еще, конечно, совсем зеленый, но уже политически полностью грамотный и очень определенный».

С этим студентом мне лично довелось не только познакомиться, но и сотрудничать в Консультативном Совете Конгресса левых демократических сил в 1992–1993 годах.

Станислав Маркелов был, действительно, студент. Но без малейшего политического инфантилизма, столь присущего и бывшему, и особенно нынешнему студенчеству. Он был совершенно взрослым мировоззренчески. Он уже сориентировался в этом мире, он уже сделал выбор, отсюда была его определенность и надежность. В этом молодом человеке чувствовалось то, чего обычно не хватало очень многим порядочным советским людям, – на него можно было смело опереться. Чуть позже я благодаря Станиславу понял, какой смысл несет в себе понятие «новые люди», если употребляется с окраской светлой надежды. Жаль, что таких «новых людей» бывает, раз – и обчелся...

Не помню, чтобы Стас увлеченно участвовал в дискуссиях по какому-либо общественному вопросу. Похоже было, что он «себе уже все доказал». Если и присутствовал при обсуждениях и спорах, то, скорее, как изучающий спорящих. Мне эта манера поведения была понятна и близка.

В Координационном Совете Конгресса левых демократических сил пребывал идейно разношерстный народ. Сил там точно не было, а левые и демократы были в явном меньшинстве. Верховодила в этом КС Людмила Вартазарова – не только бывший первый секретарь одного из московских райкомов КПСС, но и идейно-нравственно сугубо КПССовский кадр. Был со своими людьми Александр Бузгалин. Был экзотический Абрамсон,

неизменно воздерживавшийся при любом голосовании. Мы с Маркеловым были самыми надежными «людьми Г.Я. Ракитской».

Все чудилось, что какое-то подкрепление левым и демократическим придет. Была надежда на рабочих: ведь совсем недавно, в 1989–1990 гг., шахтерское движение и сочувствие ему играли столь серьезную роль в крушении тоталитарной власти. А теперь один за другим создавались первые классовые профсоюзы (в отличие от корпоративистских).

Но подкрепление не приходило. Зато наступил «момент истины» для Конгресса левых демократических сил.

На российскую общественно-политическую повестку дня выдвинулся вопрос о возобновлении деятельности КПРФ. Социалистическая партия трудящихся Л. Вартазаровой проявляла себя в этом вопросе как кровный потомок КПСС–КПРФ (а можно сказать, и как их осколок). В нашем Конгрессе Л. Вартазарова стала спешно организовывать общественную поддержку КПРФ. Был подготовлен проект нужной КПРФ резолюции. Мы противопоставили ему свой проект. В нем было два ключевых пункта: 1) Конгресс левых демократических сил выступает против возобновления деятельности КПРФ как прямого продолжателя дела тоталитарной КПСС и 2) в случае возобновления деятельности КПРФ она не может входить в Конгресс левых демократических сил, ибо является не демократической, а тоталитарной и сталинистской по своей идеологии и своему партийному устройству.

Дискуссия длилась недолго. Не только люди Л. Вартазаровой, но и люди А. Бузгалина активнейшим образом отстаивали проект нужной КПРФ резолюции. «Кто есть кто» выявилось с предельной ясностью. Против их проекта голосовало трое – Ракитская, Маркелов и Ракитский. За нашу резолюцию – те же трое. Остальные против.

Прошли годы и годы, прежде чем довелось вновь контактировать со Станиславом. Он стал адвокатом, активным правозащитником, а после дела об убийстве Кунгаевой к нему пришла и всероссийская, и европейская известность. Я с удовольствием следил за его общественным выдвижением. Но вся его добрая слава и все его подвижничество не очень вязались с обликом того длинноволосого верзилы-студента.

Но облик его был уже совсем иной. В середине апреля 2005-го мы встретились на Первом российском социальном форуме. О! Станислав Маркелов был сама элегантность. Молодой, уверенный с своих силах мужчина, обладающий искусством не бросаться в глаза, не возвышаться над людьми. Интеллигентность – вот как это точно называется. Он и был в жизни именно интеллигентом в самом первичном чисто русском значении этого слова. Человеком чести, человеком доброго дела и – главное – человеком высокого Долга перед народом, высокого Служения народу. Народу непосредственно, а не государству. Это была его линия жизни. Та самая, которая определилась в юности.

Мы долго в тот вечер не спеша шли втроем в сторону метро, разговаривали о многом важном и неважном. Была радость полного взаимопонимания. А у меня была еще и радость старика, видящего живую добрую душу в поколении внуков.

Я хорошо понимал, как сложится его судьба. Для нашей России Станислав Маркелов был человеком, ценность которого сопоставима с ценностью Н.А. Добролюбова или Н.Г. Чернышевского. Без них Россия была бы совсем мрачной. Весь наш российский мрак – имперство, великодержавный шовинизм, «погоны голубые», военщина, самодовольная куражливая власть – лишь оттеняет светлый облик подвижников и народных заступников. Но они для нашего мрака – кость в горле, антагонисты.

Вот почему и гибнут лучшие, самые светлые, самые незаменимые люди.

Погиб и Станислав Маркелов, не сделав ни единого неверного шага, ни единого злого поступка.

Сколько буду жив, не дам о нем забыть.

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 01:45:42

Зверобой обновил 16 апреля 2025 01:48:20